

Г. С. Зеленина^{abc}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^c *Российский государственный гуманитарный
университет (Россия, Москва)*

«ОПЫТ БОРЬБЫ С УДУШЬЕМ»: ОДНА СОМАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ПОЗДНЕСОВЕТСКИХ НАРРАТИВАХ ДИССИДЕНТСТВА И ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается кластер мотивов дефицита воздуха, затрудненного дыхания, удушья и удушения как один из важных топосов в автобиографических текстах инакомыслящих в Советском Союзе эпохи застоя, в том числе активистов еврейского движения и борьбы за эмиграцию. Обнаруживаются, во-первых, разновидности топоса в диссидентском дискурсе; во-вторых, зеркальная параллель в дискурсе провластном — мотив очистки воздуха родины за счет изгнания загрязняющих его чуждых советскому обществу социальных элементов; в-третьих, продолжение топоса в эго-документах, написанных в эмиграции, и, наконец, в-четвертых, его возможный фундамент в ухудшающейся экологической реальности и природоохранной риторике советской печати. Предполагается, что выбор авторами рассматриваемых текстов для обозначения невыносимости существования в Советском Союзе именно этой соматической метафоры из прочих возможных обуславливался прежде всего самой ее частотностью, каковая приводила к своего рода заражению удушьем и обеспечивала репродукцию топоса.

Ключевые слова: оттепель, застой, еврейское движение, еврейская эмиграция, диссиденты, чистки, загрязнение окружающей среды

Для цитирования: Зеленина Г. С. «Опыт борьбы с удушьем»: одна соматическая метафора в позднесоветских нарративах диссидентства и эмиграции // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 141–162. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-141-162>.

*Статья поступила в редакцию 10 мая 2022 г.
Принято к печати 17 октября 2022 г.*

G. S. Zelenina^{abc}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

^c Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)

“THE EXPERIENCE OF FIGHTING SUFFOCATION”: A SOMATIC METAPHOR IN LATE SOVIET NARRATIVES OF DISSIDENCE AND EMIGRATION

Abstract. The article examines the cluster of motives of air shortage, labored respiration, suffocation and strangling as one of the important topoi in autobiographical texts written by Soviet dissidents during the era of stagnation, including activists of the Jewish national movement who struggled for emigration from the Soviet Union. The topos has several variations in dissident discourse; it has a mirror parallel in pro-government discourse, i. e., the motive of purifying the air of the motherland by expelling foreign and hostile members of society who pollute it; it has a continuation in egodocuments written in emigration; and, finally, it may constitute a foundation in the deteriorating ecological reality and environmentalist rhetoric of the Soviet press which became increasingly conscious of environmental pollution during the 1970s. Besides such explanations as this topos being a possible reflection of environmental anxiety or a description of shortness of breath characteristic of depressive disorders to which some of the dissident authors were prone, it is assumed that the choice of this particular somatic metaphor among other possible ones in order to describe the unbearable living in the Soviet Union was primarily due to its very frequency, which led to a kind of suffocation epidemic and ensured the reproduction of the topos.

Keywords: the Thaw, the era of stagnation, Jewish movement, Jewish emigration, dissidents, purges, environmental pollution

To cite this article: Zelenina, G. S. (2023). “The experience of fighting suffocation”: A somatic metaphor in late Soviet narratives of dissidence and emigration. *Shagi / Steps*, 9(1), 141–162. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-141-162>.

Received May 10, 2022

Accepted October 17, 2022

Физик Александр Воронель, один из лидеров еврейского движения в Москве, в эссе «Трепет иудейских забот», впервые опубликованном в им же редактировавшемся самиздатском журнале «Евреи в СССР» в 1975 г., писал:

В 1968 г. мне стало трудно дышать. Может быть, политические события были тут вовсе ни при чем. Может быть, 37 лет просто роковой возраст... Но мне стало так трудно дышать, что я почувствовал себя совершенно чужим среди довольных и процветающих [Воронель 1977: 194].

Воронель был не единственным недовольным, инакомыслящим, «отказником» и будущим эмигрантом, который описывал свое состояние, используя метафору удушья. Ответом на часто встречавшиеся в советской прессе риторические вопросы-упреки «Чего им только не хватало?»¹ может быть следующий: им не хватало воздуха. В своих эго-документах многие критически настроенные по отношению к советской действительности авторы эпохи застоя выбирали именно эту соматическую метафору — не головную боль, не тошноту, не тяжесть в груди и не гири в ногах. Далее мы попытаемся классифицировать варианты этого топоса по авторам и дополнительным смыслам, найти аналоги в идеологически нейтральном и противоположном дискурсах и, основываясь на сколько-нибудь представительном корпусе однотипных образов, предположить причины их распространенности.

Форточка открылась и закрылась

Предшествующая застою эпоха в разных своих нарративах предстает как щедро наполненная воздухом. Эта метафора характерна как для текстов самой оттепели, так и для ее ретроспективного осмысления. В программном тексте эпохи — «Оттепели» Ильи Эренбурга — свежий воздух становится сквозным мотивом. Интеллигенция призвала впустить свежий воздух или благодарила за него героя XX съезда. К примеру, Раиса Орлова передает дискуссию о статье Померанцева «Об искренности в литературе», состоявшуюся в Союзе писателей весной 1954 г.: «Все согласны с тем, что чистый воздух полезен. Но есть немало людей, которые не любят, когда открывают форточку. А Померанцев открыл» [Орлова, Копелев 1990: 12]. А в 1963 г. Всеволод Иванов, Чуковский, Катаев, Ромм, Шостакович, Эренбург, Симонов, Каверин и другие деятели культуры в письме к Хрущеву² отмечали освобождение «духа» и «дыхания»:

Вы рассказали советским людям об огромном ущербе, причиненном нашей стране благодаря многолетнему господству сталинских методов, когда подавлялся творческий дух народа. (...) Мы с радостью видели,

¹ Например: «Жил в Минске врач-невропатолог (...) работал в поликлинике (...) имел хорошую квартиру (...) его сын закончил институт (...) Казалось бы, чего человеку надо? Дети вот-вот станут образованными специалистами, семья хорошо обеспечена, живи себе и радуйся» [Михайлов 1973].

² Письмо было зачитано Л. Ф. Ильичевым на встрече руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г.

как партия восстанавливает дух Ленина: свободу и справедливость. Архитекторы радуются возможности строить современные дома, писатели — возможности писать правдивые книги; легче дышится композиторам и работникам театра [Стенограмма встречи 2009: 541].

Наблюдательные современники и исследователи эпохи шестидесятых Петр Вайль и Александр Генис называют одним из центральных для оттепели следующий семантический ряд: бодрость — мороз — холод — прохлада — свежесть, противопоставленный духоте — затхлости — спертому воздуху:

Роль холодной воды и холода вообще представляется в те годы непомерной. <...> Всюду подчеркивалось: красота России — северная, зимняя <...>. Положительный персонаж проявлял себя преимущественно в зимних условиях, продуцируя здоровую бодрость <...> совсем в иной обстановке пребывал его антагонист <...> Такая нездоровая атмосфера — все та же ложь, принявшая бытовой облик: ложь — скрытность — закрытость — спертость — затхлость. Духота и прохлада как противоборствующие этические категории напоминали о застойности прошлого и бодрой легкости будущего. Это же противостояние обслуживала вся эстетика 60-х: одежда, архитектура, мебель, манеры поведения [Вайль, Генис 2001: 143–144].

К концу 1960-х начинаются перебои с воздухом. Самые разные авторы описывают состояние удушья. Зачастую оно оказывается реакцией на те или иные политические события и символизирует возмущение действиями государства. Например, китаист Виталий Рубин, близкий диссидентским кругам и подписант ряда писем, после вторжения в Чехословакию записал в дневнике: «Настроение ужасное. Удушающая жара прибавляется к удушливой обстановке безнаказанного преступления» [Рубин 1988 (1): 147]. Использование этой метафоры для описания нарастающего отвращения к *рукам брэдоброя* видно во многих источниках; как отмечает в своей лекции об эпохе застоя Илья Кукулин, в то время «многими владело ощущение удушья и тотального отчуждения от власти» [Кукулин 2020].

Но политическим протестом смысл метафоры не ограничивался — удушье также видится центральным мотивом поэтики или эстетики застоя: «В начале 1970-х сангвинический энтузиазм оттепели окончательно уступил место пессимистической и фаталистической, меланхолическо-флегматичной поэтике эпохи застоя, удушья и уныния, внешних и внутренних эмиграций» [Киршбаум 2016: 377], — который появляется у многих авторов в самых разных контекстах. Приведем лишь несколько самых известных примеров:

Все, — кого и не звали, — в Италии,
Шлют домашним сердечный привет,
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни света, ни воздуха нет...

(Анна Ахматова

«Все, кого и не звали, — в Италии...»), 1963

[Ахматова 1999: 201])

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам.

(Владимир Высоцкий. «SOS», или
«Спасите наши души», или «Песня о лодке», 1967
[Высоцкий 1991: 191])

И так — до наших времен! вплоть до наших времен! Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! (Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», 1969 [Ерофеев 1990: 66]).

Гражданин второсортной эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли, и дням грядущим
я дарю их, как опыт борьбы с удушьем.

(Иосиф Бродский
«Я всегда твердил, что судьба — игра...», 1971
[Бродский 2001: 427–428])

Эти удушья по-разному обусловлены: переживанием экзистенциальной безысходности («круг бытия»), конструируемыми в произведении пространством и ситуацией (тесная щель между зеркалом и стеной; тонущая подлодка), физическим состоянием лирического героя (намеком на которое можно счесть «грузную тень» в другой строфе), — но всегда, тем не менее, есть возможность увидеть за ними и политическую подоплеку.

В литературных и мемуарных произведениях позднесоветских десятилетий метафора удушья применяется при описании физической несвободы — опыта заключения в тюрьмах и лагерях сталинской эпохи. Например, Василий Ажаев в романе «Вагон» (написан в 1964 г., опубликован в 1988 г.) пишет:

Вот и нет слов. «Невыносимо», «немыслимо» — разве эти слова что-нибудь значат? <...> Неволя страшнее смерти! <...> Как пересказать чувство потери, чувство утраты самого дорогого в жизни? Видишь, я задыхаюсь, говоря об этом? А прошло с тех пор много лет. Ощущение неволи — это как удушье [Ажаев 1988: 9].

Лев Копелев в «Утоли моя печали», третьей части своей автобиографической трилогии (1981), описывает пребывание в Марфинской шарашке в конце 1940-х — начале 1950-х: «...удушливая тоска одиночества среди множества чужих, но так неотрывно притиснутых друг к другу людей» [Копелев 2011: 17], «...удушье от сознания — где ты и что с тобой» [Там же: 188].

А в более поздних текстах этот топос используется для описания атмосферы эпохи застоя. Наталия Рапопорт в воспоминаниях о Науме Коржавине пишет:

Не так давно отгремело дело Даниэля и Синяевского, советские танки топтали Прагу, КГБ травило Солженицына и всюду охотилось за самиздатом и тамиздатом. Воздух в стране был спёртый [Рапопорт 2018: 27].

Василий Аксенов в «роман о шестидесятниках» «Таинственная страсть», поясняя, что привлекательного нашли Чарльз и Добродей Профессор (Карл и Эллендея Проффер) в советской литературе, упоминает «беспереывные цензурные удушья, нередко завершающиеся прямым удушением авторов» [Аксенов 2009: 483].

На последних примерах отметим некоторую вариативность мотива: удушье может возникнуть в результате как бы безличного дефицита — или дурного качества — воздуха или же целенаправленного воздействия, как правило сверху, со стороны власти, — удушения; последнее может происходить как на общенациональном уровне, так и в конкретных случаях³.

В нарративах инакомыслия и эмиграции

Нередко, впрочем, мотив удушья используется в обоих вариантах — например, в диссидентских нарративах, где он встречается регулярно и в смысловом отношении довольно единообразен.

Леонид Плющ в мемуарах «На карнавале истории» (1979) пишет об «удушении Чехословакии», о том, что «Брежнев и К° <...> удушат чехословацкий народ в братских объятиях — как немцев, как венгров», но также отмечает и «удушливость атмосферы» в Советском Союзе, «невозможность дышать этой атмосферой лжи и террора», которая «неизбежно вела к самиздату, протесту, в тюрьму» [Плющ 1979: 230–231, 382, 469].

Александр Зиновьев в «Гомо советикус» (1981) несколько раз сетует на «удушение диссидентского движения». Петр (Петро) Григоренко в своих впервые изданных в том же году мемуарах «В подполье можно встретить только крыс...» пишет о своей жизни после тюрьмы и психиатрической больницы в 1965 г. как о «вдыхании первых глотков свободы, добытой очень тяжелой ценой» [Григоренко 1997: 420], а похороны писателя Алексея Костерина в 1968 г. называет «первым свободным митингом после десятилетий удушающего молчания» [Там же: 496]. Внук Костерина в воспоминаниях о Петре Григоренко тоже прибегает к этому топосу:

Ощущение было как от нехватки воздуха, невыносимое для ищущих и творческих натур. Но для таких, как мой дед и Петр Григорьевич, это было время работы, возможности приложить свои силы, реализовать, как сейчас говорят, свои гражданские потенции. Тяжкое и душное время это, как ни странно, породило необыкновенно теплую атмосферу среди участников правозащитного движения [Смирнов 2015: 102].

³ Например: «У Г. Б. новый поворот. <...> Липавских (т. е. осведомителей. — Г. З.) сейчас — ужас, как много. <...> Тактика — обложить порядочного человека со всех сторон. Не дать ему дышать, втравить и втоптать в грязь [Финкельштейн 1978].

Анатолий Кузнецов в «Обращении к людям», написанном сразу после побега, в августе 1969 г., признается: «Я дошел до точки, когда больше писать не могу, спать не могу, дышать не могу» [Батшев 2000: 228].

Ефим Эткинд в мемуарах «Записки незаговорщика» (1977) так описывает самоощущение людей своего круга в условиях советского режима:

Люди добросовестные стараются делать свое дело как можно честнее; они творят культуру своей страны, нередко задыхаясь в безвоздушном пространстве и содрогаясь от негодования, приходя в ужас от навязанного обществу лицемерия и от сознания собственной безнравственности [Эткинд 1977: 17].

Александр Солженицын в эссе «На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”» (1969–1973), опубликованном в тамиздате в 1974 г. в им же составленном сборнике «Из-под глыб», обещает обществу возвращение дыхания после десятилетий вынужденного молчания, непроговоренности и неосознанности ключевых вопросов: грядет «возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи», сейчас общество находится «на возврате дыхания после обморока, в проблесках сознания после полной темноты» [Солженицын 1974а: 11, 16]. Общество должно выбраться «из той темноты и сырости, из-под глыб», утверждает тот же Солженицын в предисловии к сборнику [От составителей: 5]. Глыбы, по мысли автора, подавили скорее не людей, а мысль и честный разговор в российском обществе, но можно понять этот образ и так, что сами люди придавлены глыбами и жаждут из-под них выбраться.

Бенджамин Натанс в статье «Говорящая рыба...», посвященной мемуарам диссидентов и ставящей, в частности, проблему сконструированности этих нарративов с расчетом на определенную аудиторию, отмечает мотивы подпольного, подземного или подводного существования как рекуррентные в диссидентских воспоминаниях и литературе [Nathans 2015]. Древняя рыбина в «подземной линзе льда» в первых строках «Архипелага ГУЛАГ» и легшее в основу статьи Натанса сравнение Андреем Амальриком пишущих диссидентов в представлении западного человека с заговорившей вдруг рыбой намекают на существование в подводном мире. Образы подполья и подземелья в текстах этого корпуса более явственно прописаны: «...интеллигенция сидит в катакомбах», — заявляет Григорий Подъяпольский [2003: 36–37]; «...всю страну загнали в подполье», — утверждает Юрий Орлов [2006: 107]; подполье фигурирует в солженицынской повести «Бодался теленок с дубом», а Григоренко так и называет свои мемуары: «В подполье можно встретить только крыс...», выводя образ подполья в титул, пусть и в полемических целях. «Главной их (диссидентов. — Г. З.) техникой, — пишет Натанс, — за десятилетия до того, как Михаил Горбачев сделал известным это понятие, была гласность: подняться на поверхность, вернуться, используя слова Солженицына, “к дыханию и сознанию”» [Nathans 2015: 600]. Натансу важно отметить общий здесь мотив молчания, отсутствия голоса, мы же добавим, что и дефицит воздуха тоже присущ всем трем указанным локусам.

Поиск воздуха в «теплых краях»

Если герои Натанса хотели вернуть себе дыхание, поднявшись на поверхность, путем движения вверх (что у них, конечно, не получалось, а если что-то и получалось, то иное — вынужденная эмиграция), то активисты борьбы за еврейскую эмиграцию с самого начала планировали движение не вверх, а в сторону: выбраться из Советского Союза и таким образом обрести свежий воздух.

Топос удушья, невозможности дышать регулярно сопровождает появление эмиграционных намерений у будущих активистов еврейского движения — как в синхронных их борьбе за выезд, так и в позднейших источниках.

В уже упоминавшемся эссе Александра Воронеля осознание затрудненности дыхания быстро переходит в мысли об эмиграции:

В 1968 году мне стало трудно дышать. Может быть, политические события были тут вовсе ни при чем. Может быть, 37 лет просто роковой возраст... Но мне стало так трудно дышать, что я почувствовал себя совершенно чужим среди довольных и процветающих. И, пожалуй, среди протестующих и угнетенных тоже. <...> Постепенно я усвоил такой отстраненный взгляд на действительность, что идея возвращения на «историческую родину» показалась мне специально для меня придуманной. Действительно, как еще радикальней я мог бы выразить свое несогласие абсолютно со всеми? [Воронель 1977: 194–195]

Китаист Виталий Рубин, в 1970-е ставший одним из лидеров московского «отказа», осенью 1967 г. выписывает в дневник цитату из «Автобиографии» Бердяева: «10.10.67 “В мирный период я испытывал не раз ту же тоску. Это было чувство удушья, отсутствия воздуха, свободы дыхания”», — и комментирует ее: «Замечательно» [Рубин 1988 (1): 119]. А через несколько дней снова возвращается к Бердяеву: «23.10.1967 Сижу на китаеведческой сессии. Скучно. <...> Как хорошо сказано [у Бердяева] о “чувстве удушья, отсутствии воздуха”!» [Там же: 120].

Для сравнения — в письме с фронта от 5 апреля 1942 г., адресованном однокурснице Эсфирь Шифман (будущей Гуревич), Рубин писал:

...проезжаем какие-то ворота с рельефами Ленина и Сталина. И со слезами радости провожаем их взглядом. Мы вновь почувствовали героический дух Советской власти, которая нас вырастила и воспитала. Нужно было пройти через территорию врага, где крестьяне из страха на месте портретов Сталина вешали поганые фашистские листовки, испытать плен, когда нам приходилось переносить молча издевательства немецких грабителей над Красной армией, советской властью и коммунистической партией, чтобы так глубоко почувствовать все то великое, гуманное и справедливое, что заложено во всем нашем строе, что советская власть нам так же необходима, как воздух. Когда ее не стало, мы почувствовали, что задыхаемся [Письма 1941–1948].

Этот флешбэк лишний раз демонстрирует, что взгляды и ощущения меняются у человека на протяжении жизни, тем более в данном случае отнюдь не без причины: из-за трехдневного нахождения в плену, упомянутого в этом письме, Рубин попал в лагерь спецпроверки, работал на шахте, где заболел туберкулезом, на несколько лет приковавшим его к постели. В то же время примечательно, что ретроспективно, пережив состояние удушья уже от советской власти, Рубин экстраполировал это ощущение физического неприятия советской жизни и на свою юность. В автобиографии, составленной в Израиле, он писал (точнее, говорил в интервью сестре):

В период сталинских процессов большинство родителей боялось говорить откровенно со своими детьми. Отец, однако, открыто говорил с нами обо всем, что происходило, поэтому уже в детстве у нас было ясное представление о сталинской эпохе и соответственное отношение к ней. В классе мы с сестрой были единственными, кто не вступил в комсомол. Надо сказать, что среди своих сверстников я почти не встречал такого понимания всего происходящего и такого отношения к нему, какое было у меня. Я уже с детства чувствовал невыносимость существования в Советском Союзе [Рубин 1988 (1): 7].

Некоторым инакомыслящим, в частности еврейским активистам, прежде чем они встали на прямой и отрядный для себя путь борьбы за национальное достоинство и выезд, были свойственны той или иной силы и длительности депрессивные расстройства. Воронель пишет в том же эссе: «После этого я заболел. Ничего особенного со мной не произошло, но около месяца я не хотел вставать с постели и ничего странного в этом не видел» [Воронель 1977: 196]. Рубин в своих дневниках регулярно жалуется на «депрессию», «тоску», «тяжелый внутренний кризис» [Рубин 1988 (1): 39, 45, 54, 64–65, 143, 148, 158, 189, 276]. Не желая полностью медикализировать и буквализировать топос удушья, представляя его уже не метафорой, а подлинным соматическим ощущением, следует тем не менее обозначить возможность и такого его прочтения: ложный дефицит воздуха, ощущение респираторных затруднений — распространенный симптом различных депрессивных расстройств [Starcevic 2009; Antony, Stein 2009; Leahy et al. 2012].

В позднейших интервью и воспоминаниях бывшие активисты движения за эмиграцию в унисон отмечают то же ощущение. Московский отказник кибернетик Александр Лернер в начале своих воспоминаний объясняет желание уехать: «...дело в том, что в этой атмосфере я больше не могу дышать» [Лернер б. д.: 11]. Минский отказник Эрнст Левин вспоминает в мемуарах: «Больше дышать советским воздухом, казалось, мы не могли» [Левин 2006]. Диссидент и один из организаторов «операции “Свадьба”» Эдуард Кузнецов рассказывает в интервью бывшему отказнику, активисту и историку еврейского движения Юлию Кошаровскому:

...душно было до тошноты. <...> Нужно учитывать психологический климат: уже неважно, дышать не дают, на хвосте сидят — не шевельнись, еще немного и тебя возьмут, а сделать ничего не сделал [Кузнецов 2004].

Диссидент и борец за эмиграцию Натан Щаранский признается:

Я продолжаю делать свою карьеру в Московском физико-техническом институте, но понимаю, что начинаю там задыхаться. Я хорошо себя чувствовал, когда дорывался до этой литературы [самиздата] [Щаранский б. д.].

Московский активист Михаил Членов в интервью тому же Кошаровскому вспоминает, как вернулся из Индонезии в Советский Союз в 1965 г.:

...по сравнению с затхлостью, которую я увидел в Москве, Амбон казался мне местом, где бьется пульс мира. Я вернулся в какое-то закрытое, затхлое общество... [Членов 2004].

Сам Юлий Кошаровский в своей книге «Мы снова евреи» характеризует самиздат как «глоток чистого воздуха в затхлой и пронизанной ядовитыми миазмами атмосфере Советского Союза. Для многих из нас он стал окном в большой мир, простиравшийся за пределами “железного занавеса”» [Кошаровский 2008: 380].

Религиозный отказник и просветитель, физик Владимир Дашевский в интервью бывшему ленинградскому активисту и собирателю архива движения Абе Таратуте описывает, как начал чувствовать «какой-то духовный голод. Это невозможно точно диагностировать, но я понимал, что начинаю задыхаться. Я не могу к этому (работе в лаборатории. — Г. З.) свести свою жизнь, <...> не может быть, чтобы жизнь сводилась к её поддержанию, у неё должен быть какой-то смысл, отличный от этого. Это то, чего требовало нутро» [Дашевский 2005]. Ленинградский религиозный активист Ицхак Коган в своих мемуарах анонимно цитирует воспоминание другого отказника:

И помню, еду я и думаю о чем-то своем: как опостылело все вокруг и постепенно стало чужим — и города, и люди и, кажется, не выбраться отсюда никогда, из этого бескрайнего галута⁴; и того арестовали, и этот умер; и удушливо и совершенно невозможно на работе и в проклятой коммуналке... [Коган 2011: 168].

Примечательно, что если еврейские активисты 1970-х страдали в основном оттого же, отчего и диссиденты, и многие другие граждане Советского Союза: от духовного и эстетического единообразия и скудости, от цензуры, от отсутствия свободы самовыражения, — то сионисты предыдущего поколения, бывшие еще органичными носителями еврейской культуры и идентичности, сетовали на «удушение национального самосознания и методы духовной кастрации» советских евреев при «Кровавом Сталине» и после него [Дольник 1976: 7]. К последним советским десятилетия «национальное самосознание» уже было порядком удушено, и отказникам приходилось страдать просто от «советского воздуха».

⁴ *Галут* — изгнание, рассеяние, диаспора; термин, описывающий существование евреев после разрушения Второго Храма и прекращения еврейской государственности в Иудее.

Действительно ли эмиграция приносила облегчение, исцеляла удушие? Ряд эмигрантских воспоминаний подтверждают, что движение прочь из советского пространства открыло им новый «кислородный ресурс» — подлинный «воздух свободы» в отличие от фальшивого советского. Это противопоставление производит в своих беллетризованных воспоминаниях танкист-ас, медик и поэт Ион Деген: «После всех мытарств и бед, сыпавшихся на людей, рискнувших подать документы на выезд в Израиль, в холодный ноябрьский день 1977 года мы, наконец, покинули страну, в которой “так вольно дышит человек”» и вскоре испытали «радостное возбуждение, объяснявшееся тем, что мы действительно стали вольно дышать» [Деген 2005]. Музыкант Александр Туманов, уехавший в 1974 г. в Канаду через Вену, перевалочный пункт для эмигрантов по израильской визе, вспоминает:

Мы были счастливы и чувствовали себя свободными людьми. Это чувство свободы начало развиваться, как росток, именно в Вене и становилось все более мощным с каждым шагом вперед. Личная свобода была воздухом, которым мы начали дышать здесь [Туманов 2014].

Впрочем, насладиться чужеземным воздухом, *делающим человека свободным*, по контрасту с удушливым *дымом отечества*, доводилось не всем — некоторые эмигранты находили новые причины задыхаться.

Очистка воздуха на месте

Прежде чем обратиться к новой жизни этого топоса в эмиграции, отметим, что чистотой воздуха в Советском Союзе были озабочены не только недовольные инакомыслящие и борцы за выезд — представителям власти и выразителям провластной позиции и нормативной идеологии тоже не хватало чистого воздуха, но они видели иной способ бороться с его нечистотой. Ответным общим местом в официальном дискурсе следует считать намерение очистить воздух путем изгнания загрязняющих его элементов, являющиеся смягченной версией топоса чистки — лейтмотива риторики и деятельности органов госбезопасности и внутренних дел при Сталине и коллективов при Хрущеве [Хархордин 2002: 149–155, 389–397].

Виталий Рубин в своем дневнике за 1974 г. описывает сцену в отделении милиции:

Вдруг подал голос милицейский в штатском, сидевший тут же, ихний «интеллектуал»: «Правильно, правильно. Пусть убираются, воздух чище будет». — «Мы отлично знаем, как вы относитесь к нам, — сказал я, — и тоже не хотим с вами жить» [Рубин 1988 (2): 97].

Очевидно, мотив избавления от чуждых элементов ради очистки воздуха был знаком низовым исполнителям и использовался ими в повседневной коммуникации с оными элементами, возможно с оскорбительными целями, но изначально, по меньшей мере с 1930-х годов, он появляется в речах высокопоставленных сотрудников силовых ведомств и руководства страны и в прессе,

освещающей соответствующую политику, и является элементом гораздо более торжественной риторики. Например:

Я считаю, что [когда] эту сволочь выметут, воздух станет чище и в нашей стране, в нашей Рабоче-крестьянской Красной армии будет такое взаимное доверие, которого еще никогда не было [Стенограмма актива 2008: 431].

Народ знает, что работа органов НКВД очищает воздух нашей великой родины от гнили и ядов, которыми хочет нас отравить капиталистический мир. Народ знает, что, помогая советской разведке, он помогает самому себе, он помогает уничтожать гадов, которые хотят вернуть свободные и счастливые народы СССР под ярмо фашистских изуверов, под ярмо капиталистов и помещиков [Карамышев 1938].

При Хрущеве, кажется, использование этого топоса учащается; не исключено, что вследствие значимости образа воздуха в оттепельной риторике. Хрущев сам в разных контекстах ратовал за, так сказать, улучшение вентиляции: рассуждая о пользе литературной критики, он сравнивает ее с баннным венником, от хлестания которым «открывают[ся] поры, организм начинает дышать и жить становится легче» [Речь Хрущева 2009а: 500], а обсуждая состояние науки, призывает «открыть форточку», «дать свежий приток, струю хорошего воздуха, чтобы люди, которые работают, хорошо всеми легкими дышали, а тех, которые увядают, надо на свежий воздух. Пусть они там оживают» [Речь Хрущева 2009б: 376].

В отличие от сталинской чистки рядов путем репрессий, уничтожения нежелательных элементов, ее смягченная, гуманизированная версия — оттепельная и позднее застойная чистка воздуха — предполагает изгнание чуждых элементов за рубеж или приглашение их к эмиграции.

В июне 1957 г. на пленуме ЦК КПСС, посвященном «антипартийной группе» Молотова — Маленкова — Кагановича, Буденный призывает их «выгнать, и тогда работа будет лучше, а воздух будет чище» [Пленум 1998: 345]. Портят воздух и модернисты. На встрече руководителей КПСС и правительства с деятелями литературы и искусства в декабре 1962 г. чиновный поэт Степан Петрович Щипачев, член правления Союза писателей, гонитель Евтушенко и Солженицына, обличает современное искусство:

Та мазня, будь это абстракционизм или натурализм, заслуживает и гневного, и презрительного отношения. Я бывал за границей и всегда заходил на выставки современной живописи. И когда я попадал в залы, где выставлена подобная живопись, мне хотелось как можно скорее выйти на чистый воздух [Стенограмма встречи 2009: 576].

Ему вторит Александр Дейнека:

Вот почему я люблю античное искусство, вот почему я люблю Пушкина, вот почему я люблю настоящих больших художников, которых почитаешь и дыхание улучшается [Там же: 562].

Через несколько месяцев, на следующей встрече с творческой интеллигенцией, Хрущев намечает программу тотальной очистки:

Так и общество, и партия следят за своей чистотой. Общество через партию само следит за чистотой направленности, чтобы всегда иметь чистый воздух, расчищать дорогу, убирать с дороги все, что мешает на этой дороге ритмичному движению вперед нашего общества в его развитии, в достижении цели построения коммунизма [Конспект 2009: 627].

То, что это общее место, ассоциируемое с провластной, репрессивной, прежде всего хрущевской риторикой, подтверждается соответствующим применением этой формулы в литературе. В романе Аксенова «Таинственная страсть» при передаче речи Хрущева на встрече с интеллигенцией используются оба топоса — и нехватки воздуха, и его очистки:

Я так понимаю, что вы задыхаетесь среди нашей красоты величия подвига труда, так, что ли? Тогда — убирайтесь! Получайте загранпаспорт и... (чуть удержался от под жопу коленом) убирайтесь вон! (Вон! Вон этих господ! Правильно, Никита Сергеевич! Воздух чище будет!) [Аксенов 2009: 124–125].

10 июня 1968 г. Ю. В. Андропов и А. А. Громыко написали в ЦК письмо о возобновлении эмиграции евреев, отметив, что та «позволит освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков, оказывающих вредное влияние на свое окружение» [Андропов, Громыко 1968. Л. 97–98]. Хотя буквально о загрязнении и очищении воздуха в этом письме как документе официальном речь не идет, квалифицированные читатели ждут этот топос, как «рифмы *розы*», как привычный элемент дискурса советской власти об эмиграции. И Дмитрий Быков в своей биографии Булата Окуджавы пересказывает тезис Громыко и Андропова следующим образом: «Кто не хочет здесь жить — пусть не отравляет воздух оставшимся, такая была терминология» [Быков 2009: 638].

Примечательно, что и некоторые диссидентские голоса призывали к переменам с использованием той же метафоры. Так, Солженицын в эссе «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» писал:

Только через полосу раскаяния множества лиц могут быть очищены русский воздух, русская почва, и тогда сумеет расти новая здоровая национальная жизнь. По слою лживому, неверному, закоренелому — чистого вырастить нельзя. <...> И для очищения мирового воздуха и для убеждения других в нашей искренней расположенности, мы не должны ни скрывать этих грехов, ни комкать, ни смягчать в воспоминаниях [Солженицын 1974с: 130, 137].

В эссе «Образованщина» противостояние репрессивному режиму, нарушающему права человека и подавляющему свободу слова и мысли, само представляется средством очищения воздуха: если бы интеллигенция выступила «в

защиту гонимых, в защиту свободы, против удушающих несправедливостей, против убогой навязываемой лжи», «очистили бы общественный воздух» [Солженицын 1974b: 235]. А журналист, писатель и диссидент Феликс Светов в романе «Отверзи ми двери» (1978), в чрезвычайно неприглядном свете изображающем отказников, предлагает очистить русский воздух как раз за счет еврейских эмигрантов, вкладывая в уста одному из персонажей гневное напутствие: «...еще не улетите, здесь останетесь воздух наш отравлять, сказано, скатертью дорога» [Светов 1978: 36].

Удушье в эмиграции

Ироническим контрапунктом к топосу удушья в нарративах вознамерившихся покинуть свою советскую родину становится зеркальное использование того же топоса в описаниях жизни в эмиграции — самими недовольными эмигрантами или же советской прессой и публицистикой, создающей картину жалкого прозябания бывших соотечественников за границей. Нарративы борцов за эмиграцию и разочаровавшихся эмигрантов или советских обличителей эмиграции зеркальны во многих пунктах (что в целом было характерно для оттепельной практики конструирования антимиров и аномалий [Лебина 2008]): возвращение на родину — предательство родины, спасение детей — причинение вреда детям, враждебное отношение к евреям в СССР — враждебное отношение к «русским» в Израиле — и т. п., в том числе это касается и ощущения нехватки воздуха. Если отказники задыхались на родине-«мачехе», лишённые возможности выехать, то недовольные эмигранты, жаждущие вернуться в Советский Союз, «задыхаются» в Израиле и спешат сообщить об этом в советские газеты [Танхельсон 1973]. Они сами — или советские журналисты — связывают это ощущение с тяжелым климатом, буквализируя расхожую метафору, а затем обратно расширяя ее смысл от физиологического до экзистенциального: «...удушающая жара <...> дышалось тяжело, не хватало воздуха. В дальнейшем подобное ощущение приобрело поистине символический смысл» [Горький хлеб 1971]. У ощущения «нехватки воздуха» могла быть и иная причина — не климат, а ограниченность территории. Житель Казахской ССР, репатриировавшийся в Израиль позднее, уже в 1991 г., писал:

...я очень хорошо представляю себе ситуацию, когда создается впечатление, что дышать нечем, не хватает воздуха, не хватает жизненного пространства (как при клаустрофобии). Куда не повернешь — везде граница, дальше ехать нельзя. Это особенно чувствуют эмигранты, приехавшие из больших стран [Голь-де-Шмидт 2006].

Эмигрант 1970-х, врач-невропатолог из Минска Иосиф Григорьевич Бурштейн в своем покаянном письме, опубликованном в советской печати, акцентирует психическое нездоровье новых репатриантов и использует понятие удушья как метафору, указывающую не на климат, а на общественно-политическую атмосферу⁵:

⁵ Бурштейн стремился покинуть и покинул Израиль; о его неприятии израильской действительности и последующей судьбе писал в своей антиссионистской публицистике Цезарь Солодарь [1977].

Исторической родиной сыт по горло. <...> Многие вновь прибывающие в страну евреи попадают в состояние депрессии. <...> Нравственное состояние ужасное. <...> То, что я увидел и пережил, для человека с нормальной психикой и прибывшего из СССР, непостижимо. Терпение лопнуло... <...> Жить в этой системе затхлости и удушья превыше человеческих сил... [Михайлов 1973].

Если подобные сетования в советских газетах можно счесть результатом домыслов редакторов и журналистов или лицемерия авторов, стремящихся вернуть советское гражданство, то аналогичные пассажи в дневниках и мемуарах не вызывают сомнения в искренности. Эмигрировавший в 1973 г. киевский экономист Евгений Кармазин не прижился в Израиле. В своих воспоминаниях и заметках в эмигрантской печати он впоследствии жаловался на удушие как климатическое («...помню безумную жару, надписи на проклятом иврите и безнадежное выражение лица у сотрудника университета (нового иммигранта)» [Кармазин 1996–2004: 141]), так и социокультурное: «...люди русской культуры задыхаются от израильского культурного изоляционизма» [Кармазин 1981: 2]. Искусствовед Игорь Голомшток, в 1972 г. эмигрировавший в Англию, вел дневники до и после эмиграции. В марте 1973 г., перечитывая свои дневниковые записи за 1963–1964 гг., он записал, имея в виду, вероятно, утраченную социальную среду:

Да, от многого я отказался. Исчез воздух, которого не ощущаешь, когда он есть, и кот.[орый] составляет смысл твоей ментальности. Он питает тебя и ты думаешь в него, смотришь и слушаешь ради него. А здесь — вакуум, кот.[орый] я начинаю ощущать [Голомшток 1961–1974 (запись от 30 марта 1973 г.)].

Реальность за метафорой

Рассмотрев метафору удушья в разных ее вариантах и зеркальную метафору очищения воздуха, надо отметить возможный реальный подтекст этих топосов, отвечающий если не за их возникновение — они возникли раньше, то за учащение их использования в последние советские десятилетия.

В советской прессе эпохи застоя о дефиците чистого воздуха и респираторных затруднениях помимо различных случайных контекстов (в беллетристических публикациях или медицинских статьях) регулярно заходит речь в экологическом ключе — обсуждается загрязнение или отравление воздуха в буквальном смысле. Это как раз те годы — 1968–1980, — когда разрабатывалось союзное и республиканское законодательство об охране природы. С 1975 г. в пятилетние и годовые планы начинают включаться параграфы о защите окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов; партийные съезды, в частности XXV, называют экологические задачи одними из важнейших задач грядущей пятилетки; Советский Союз присоединяется к международным конвенциям по защите окружающей среды (и нарушает взятые на себя обязательства). В то время как экологи и юристы работали над внедрением «прогрессивного законодательства» — как в рамках конкуренции с Западом, в том числе и в сфере охраны природы, так и в рам-

ках собственного понимания «развитого социализма», — страна продолжала переживать «экологическую деградацию», включая катастрофическое загрязнение воздуха и вызываемые им болезни [Josephson et al. 2013: 185–252]. И хотя замалчивалось как все, что имело отношение к государственной безопасности, военной промышленности, крупным авариям, так и сами цифры, отражающие уровни загрязнения окружающей среды, освещение экологической повестки в прессе было вполне приемлемым, для того чтобы ее регулярный читатель в 1970-е годы был достаточно осведомлен об основных проблемах в этой области [Mazanik 2018: 37]. Инвайронментализм считается одним из немногих «маленьких островков свободы» в брежневском СССР, и эта свобода хотя бы отчасти распространялась не только на деятельность НИИ, но и на продвижение этих вопросов в печати [Ibid.: 34; Weiner 1999].

Количество материалов по экологической проблематике в центральной, республиканской и региональной прессе росло на протяжении эпохи застоя (например, с 1968 по 1973 г. частота обращений к этой теме повышается более, чем в три раза⁶). Советская печать, очевидно, отражала растущую озабоченность, а заодно высказывала необоснованно оптимистичный расчет на то, что «социалистическое государство», «передовая общественность» и «советское здравоохранение» вкупе с «правильной организацией производства» успешно решают проблему загрязнения природных ресурсов, прежде всего воздуха. «...А загрязнение воздуха или водоемов? Не правильнее ли говорить об этом, как о болезнях цивилизации, которые вполне могут быть устранены правильной организацией производства?» — вопрошает «Литературная газета» (1 января 1968 г.); «...воздух многих городов и районов загрязнен дымом, золой, сажей, газами. <...> Советское здравоохранение борется с загрязнением атмосферы», — констатирует «Советская Киргизия» (23 января 1968 г.). «Правда Украины» призывает «усилить борьбу с загрязнением воздуха промышленными предприятиями» (17 февраля 1968 г.), а впоследствии радостно рапортует, что «в Советском Союзе наметилась тенденция снижения уровня загрязнения воздуха» (9 января 1979 г.). «Правда» предписывает «хозяйское отношение к природным ресурсам», избегающее «опасного загрязнения воздуха и воды» (14 мая 1971 г., 21 сентября 1972 г.), и поясняет, что «охрана воздуха, почвы, водных пространств, растительного и животного мира — это прежде всего забота о здоровье советского человека», «общая наша забота» (5 июня 1976 г., 3 марта 1968 г.). «Неделя» отмечает, что «от удущья в самом прямом смысле многие страны спасает лишь Мировой океан» (2 января 1972 г.). Регулярно отработывается на этом материале и традиционное противопоставление капиталистического и социалистического лагерей: если в Америке люди задыхаются, а ФРГ и Бельгия стабильно загрязняют свое воздушное пространство и воздух соседних стран, то СССР и другие соцстраны последовательно выступают за охрану окружающей среды и иницируют меры по предотвращению загрязнения воздуха («Правда», 16 февраля 1981 г.); в СССР «борьба с загрязнением

⁶ Как следует из анализа подборки базы данных EastView («Известия», «Правда», «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек» и др.); расчет, конечно, весьма приблизителен, поскольку при поиске по ряду ключевых слов какие-то материалы на эту тему могли выпасть и, наоборот, могли быть ошибочно посчитаны публикации, содержащие те или иные слова или словосочетания, но не имеющие природоохранной направленности.

воздуха стала поистине государственным и общенародным делом» («Правда», 26 сентября 1972 г.).

Экологическая повестка находила отражение не только в государственной риторике. Хотя в корпусе диссидентских текстов удушьем и воздух упоминаются преимущественно метафорически, экологическая проблематика не была чужда «демократам» и правозащитникам — и вообще, тревожный интерес к этим вопросам в советском обществе возник задолго до перестройки и аварии на Чернобыльской АЭС [Weiner 1999: 21]. Например, А. Д. Сахаров в уже упоминавшейся брошюре «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) значительное внимание уделяет загрязнению воздуха и воды и вообще проблемам «геоигиены». В эпоху застоя появились и эоактивисты, обсуждавшие проблемы охраны природы на страницах самиздата [Mazanik 2018], но это уже отдельная история.

* * *

Этот очерк не призван, разумеется, утверждать, будто метафорическое описание ощущения невозможности пребывания в современном им СССР как удушья по причине недостатка или ядовитости воздуха изобрели диссиденты и борцы за еврейскую эмиграцию, — оно встречалось и многим ранее. Еще писавший в годы совсем другого «духовного застоя» П. Я. Чаадаев, один из первых потерпевших от бесславной практики медиализировать инакомыслие как безумие, в первом же своем «философическом письме» — «дерзостной бессмыслице», по отзыву министра просвещения, — сетует на «вредное воздействие воздуха» и сообщает корреспондентке, рискуя «показаться» ей «желчным в отзывах о родине», что чувствует «потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо» [Чаадаев 1991: 320–321, 338]. А известный идишеязычный еврейский мемуарист Ехезкель Котик в воспоминаниях, вышедших в Варшаве в 1912 г., так описывает свои ощущения после погрома в Киеве:

Понятно, что и я больше не хотел оставаться в Киеве. Пусть меня в этом городе не будет. Мне противны были улицы, меня тошнило от гоев. Я больше не мог дышать киевским воздухом [Котик 2012 (гл. 25)].

Заклучим лишь, что в отказнических мемуарах эта метафора неслучайна. Инакомыслящие не доверяли советской прессе, но не читать ее не могли, и нельзя исключать влияния все громче звучавшей экологической повестки с ее тревожными заявлениями о загрязнении воздуха или победными реляциями о предотвращении оногo, коим критически настроенные читатели, конечно, не верили. Но главное, что это клише было общим для нарративов различных индивидов и групп, недовольных советской действительностью, знакомых друг с другом и читавших друг друга, и можно предполагать своего рода заражение воображаемым удушьем. Например, эссе Воронеля «Трепет иудейских забот», открывающееся заявлением о невозможности дышать, было напечатано в самиздате и обсуждалось там же [Шенбрунн 1977], и «Обращение к людям» Анатолия Кузнецова со словами «не могу дышать» достигло своих адресатов — Виталий Рубин цитирует эту фразу в своем дневнике [Рубин 1988 (1): 196]. Таким образом, сама частотность метафоры обуславливала ее воспроиз-

видимость. У этого топоса были неочевидные варианты, связанные с различными перспективами — поиска воздуха «наверху», в реформированном отечественном обществе, избавленном от лжи и цензуры, и в стороне, за границей; было зеркальное общее место — намерение очистить воздух за счет идейно чуждых и недовольных, высказывавшееся во властных и русофильских нарративах, и зеркальный двойник другого рода — нехватка воздуха в эмиграции.

Источники

Архивные

- Андропов, Громыко 1968 — Записка Ю. В. Андропова и А. А. Громыко в ЦК КПСС. 10 июня 1968 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 839. Л. 94–98.
- Голомшток — *Голомшток И. Н.* Дневники. 1961–1974. Archiv FSO. Fond 01/061.
- Дольник 1976 — *Дольник С.* Подпольный московский сионистский самиздат, 1960–1966. Тель-Авив; Яфо, 1976. Archiv FSO. Fond 5/1.3. Emma Sotnikova.
- Кармазин 1996–2004 — *Кармазин Е.* Повесть о времени и о себе. Париж, 1996–2004. Archiv FSO. Fond 30.132.
- Лернер б. д. — *Лернер А.* Воспоминания. Б. д. Машинопись. САНJP. ARS. Box 2. File 019-001.
- Письма 1941–1948 — Письма Виталия Рубина Эсфирь Шифман. Archiv FSO. Fond 01-073 Rubin.
- Финкельштейн 1978 — Письмо Эйтана Финкельштейна Меиру Гельфонду от 16 ноября 1978 г. САНJP. СЕЕJ 854.

Опубликованные

- Ажав 1988 — *Ажав В.* Вагон. М.: Современник, 1988.
- Аксенов 2009 — *Аксенов В. П.* Таинственная страсть: роман о шестидесятниках. М.: Семь дней, 2009.
- Ахматова 1999 — *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: В 2 кн. Кн. 1: Стихотворения. 1941–1959. М.: Эллис Лак, 1999.
- Батшев 2000 — *Батшев В.* Дело Анаголия Кузнецова // Время и мы. № 148. 2000. С. 222–257.
- Бродский 2001 — Сочинения Иосифа Бродского. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Быков 2009 — *Быков Д.* Булат Окуджава. М.: Мол. гвардия, 2009.
- Воронель 1977 — *Воронель А.* Трепет иудейских забот // Еврейский самиздат. Т. 12 / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1977. С. 157–196. (1-я публ. в: Евреи в СССР. Вып. 10–11. 1975).
- Высоцкий 1991 — *Высоцкий В.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Песни. М.: Худ. лит., 1991.
- Голь-де-Шмидт 2006 — *Голь-де-Шмидт В.* [= *Гольдшмидт В.*] Быть или не быть, или Вопросов много, ответов мало // Заметки по еврейской истории. 2006. № 2 (63). URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer2/Goldshmidt1.htm>.
- Горький хлеб 1971 — Горький хлеб чужой земли // Труд: [Газ.]. 1971. 27 мая
- Григоренко 1997 — *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997.
- Дашевский 2005 — Интервью с Владимиром Дашевским / [Интервьюер А. Таратуга. 2005] // Исход советских евреев. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/InterviewDashevsky.shtml.

- Деген 2005 — Деген И. В глубоком подполье // Еврейская старина. 2005. № 7 (31). URL: <https://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer7/Degen1.htm>.
- Ерофеев 1990 — Ерофеев В. Москва — Петушки и пр. М.: Прометей, 1990.
- Карамышев 1938 — Карамышев П. В. О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда: [Газ.; Николаев]. 1938. 10 июля, № 151.
- Кармазин 1981 — Кармазин Е. Остановится ли поощрение зла? // Наша страна: [Газ.; Буэнос-Айрес]. 1981. 13 нояб., № 1615.
- Коган 2011 — Коган И. А. Горит и не стораит. М.; Киев: [Феникс], 2011.
- Конспект 2009 — Конспект выступления Н. С. Хрущева на встрече с представителями интеллигенции. 18 февраля 1963 // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 601–629.
- Копелев 2011 — Копелев Л. Утоли моя печали. Харьков: Права людини, 2011.
- Котик 2012 — Котик Е. Мои воспоминания: [В 2 ч.] Ч. 2: Скитаясь и странствуя / Пер. с идиша М. А. Улановской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. [Цит. по электрон. версии]. URL: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Kotik/Vol_2_ch_22.htm.
- Кошаровский 2008 — Кошаровский Ю. Мы снова евреи: В 4 т. Т. 2. Иерусалим: [б. и.], 2008.
- Кузнецов 2004 — [Интервью Эдуарда Кузнецова Юлию Кошаровскому. 2004 г.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью/эдуард-кузнецов>.
- Левин 2006 — Левин Э. И посох ваш в руке вашей: Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР). Ч. 1 // Еврейская старина. 2006. № 3 (39). URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer3/Levin1.htm>.
- Михайлов 1973 — Михайлов В. Поверив щедрым посулам // Советская Белоруссия: [Газ.; Минск]. 1973. 22 февр.
- Орлов 2006 — Орлов Ю. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М.: [Моск. Хельсинкская группа], 2006.
- Орлова, Копелев 1990 — Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990.
- От составителей 1974 — От составителей // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974.
- Пленум 1998 — Пленум ЦК КПСС. Стенографический отчет // Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н. Ковалева и др. М.: МФД, 1998. С. 24–580.
- Плющ 1979 — Плющ Л. На карнавале истории. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1979.
- Подъяпольский 2003 — Подъяпольский Г. С. Золотому веку не бывать... / Сост. М. Петренко-Подъяпольская, А. Подъяпольская-Дымкина. М.: Общество «Мемориал»; Звенья, 2003.
- Рапопорт 2018 — Рапопорт Н. Гуляли, целовались, жили-были... Наум Коржавин // Рапопорт Н. Автограф. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 26–36.
- Речь Хрущева 2009а — Речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР. 22 мая 1959 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 498–513.
- Речь Хрущева 2009б — Речь Н.С. Хрущева на пленарном заседании совещания строителей. 12 апреля 1958 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 366–380.
- Рубин 1988 — Рубин В. Дневники. Письма: В 2 кн. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988.
- Светов 1978 — Светов Ф. Отверзи ми двери. Paris: YMCA-Press, 1978.

- Смирнов 2015 — *Смирнов А.* Он приходил к нам прямой и крепкий // Человек, который не мог молчать... Современнике о выдающемся борце за права человека генерале Петре Григоренко: В 2 ч. / Под общ. ред. А. Григоренко. Ч. 2. Харьков: Права людини, 2015. С. 88–107.
- Солженицын 1974а — *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 7–28.
- Солженицын 1974б — *Солженицын А. И.* Образованщина // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 217–259.
- Солженицын 1974с — *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 115–150.
- Солодарь 1977 — *Солодарь Ц.* Дикая полынь. М.: Сов. Россия, 1977.
- Стенограмма актива 2008 — Стенограмма актива центрального аппарата НКО СССР 10 июня 1937 г. // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы / Сост. Н. Тархова и др. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 423–452.
- Стенограмма встречи 2009 — Стенограмма встречи руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 533–601.
- Танхельсон 1973 — *Танхельсон А.* На чужбине // Правда Востока: [Газ.; Ташкент]. 1973. 13 мая.
- Туманов 2014 — *Туманов А.* Шаги времени // Заметки по еврейской истории. 2014. № 7 (176). URL: <https://www.berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer7/Tumanov1.php>.
- Чаадаев 1991 — *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991.
- Членов 2004 — [Интервью Михаила Членова Юлию Кошаровскому. 2004 г.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью/михаил-членов>.
- Шенбрунн 1977 — *Шенбрунн С.* Читая Воронеля // Еврейский самиздат. Т. 12 / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1977. С. 197–203. (1-е изд.: Евреи в СССР. Вып. 10–11. 1975).
- Щаранский б. д. — [Интервью Натана Щаранского Юлию Кошаровскому. Б. д.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/натан-щаранский>.
- Эткинд 1977 — *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1977.

Сокращения

- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории (Москва).
- Archiv FSO — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (Бремен).
- САНЖР — The Central Archives for the History of the Jewish People (Иерусалим).

Литература

- Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2001.
- Киришбаум 2016 — *Киришбаум Г.* Экфразы Андрея Тарковского и эстетика меланхолии в эпоху застоя // Andrej Tarkovskij: Klassiker — Классик — Classic — Classico. Beiträge zum internationalen Tarkovskij-Symposium an der Universität Potsdam / Ed. by N. P. Franz. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2016. P. 377–397.

- Кукулин 2020 — *Кукулин И.* Застой, диссидентство, андеграунд и третья волна эмиграции // *Arzamas*. 2020. URL: <https://arzamas.academy/materials/1481>.
- Лебина 2008 — *Лебина Н.* Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е годы // *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985* / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 255–265.
- Хархордин 2002 — *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Antony, Stein 2009 — *Oxford handbook of anxiety and related disorders* / Ed. by M. M. Antony, M. B. Stein. New York: Oxford Univ. Press, 2009.
- Josephson et al. 2013 — *Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D.* An environmental history of Russia. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Leahy et al. 2012 — *Leahy R. L., Holland S. J. F., McGinn L. K.* Treatment plans and interventions for depression and anxiety disorder. New York; London: Guilford Press, 2012.
- Mazanik 2018 — *Mazanik A.* Environmental change and Soviet media before 1986: Dissident and officially sanctioned voices // *Climate change discourse in Russia: Past and present* / Ed. by M. Poberezhskaya, Th. Ashe. New York: Routledge, 2018. P. 32–49.
- Nathans 2015 — Nathans B. Talking fish: On Soviet dissident memoirs // *The Journal of Modern History*. Vol. 87. No. 3. 2015. P. 579–614.
- Starcevic 2009 — *Starcevic V.* Anxiety disorders in adults: A clinical guide (2nd ed.). New York: Oxford Univ. Press, 2009.
- Weiner 1999 — *Weiner D. R.* A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1999.

References

- Antony, M. M., & Stein, M. B. (2009). *Oxford handbook of anxiety and related disorders*. Oxford Univ. Press.
- Josephson, P., Dronin, N., Mnatsakanian, R., Cherp, A., & Efremenko, D. (2013). *An environmental history of Russia*. Cambridge Univ. Press.
- Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [To denounce and dissemble: Genealogy of the Russian personality]. *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad*. (In Russian).
- Kirshbaum, G. (2016) Ekfrazy Andreia Tarkovskogo i estetika melankholii v epokhu zastoia [Ekphrases of Andrei Tarkovskii and the esthetics of melancholy in the era of stagnation]. In N. P. Franz (Ed.) *Andrej Tarkovskij: Klassiker — Klassik — Classic — Classico. Beiträge zum internationalen Tarkovskij-Symposium an der Universität Potsdam* (pp. 377–397). Universitätsverlag Potsdam. (In Russian).
- Kukulin, I. (2020). Zastoi, dissidentstvo, andegraund i tret'ia volna emigratsii [Stagnation, dissidence, underground and the Third Wave of emigration]. *Arzamas*. <https://arzamas.academy/materials/1481>. (In Russian).
- Leahy, R. L., Holland, S. J. F., & McGinn, L. K. (2012). *Treatment plans and interventions for depression and anxiety disorder*. Guilford Press.
- Lebina, N. (2008). Antimiry: printsipy konstruirovaniia anomalii, 1950–1960-e gody [Anti-worlds: principles of constructing anomalies in the 1950–1960s]. In E. Iarskaia-Smirnova, & P. Romanov (Eds.). *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985* (pp. 255–265). ООО “Variant”: TsSPGI. (In Russian).
- Mazanik, A. (2018). Environmental change and Soviet media before 1986: Dissident and officially sanctioned voices. In M. Poberezhskaya, Th. Ashe (Eds.). *Climate change discourse in Russia: Past and present* (pp. 32–49). Routledge.

- Nathans, B. (2015). Talking fish: On Soviet dissident memoirs. *The Journal of Modern History*, 87(3), 579–614.
- Starcevic, V. (2009). *Anxiety disorders in adults: A clinical guide*. Oxford Univ. Press.
- Vail', P., & Genis, A. (2001). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960s: The world of the Soviet man]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Weiner, D. R. (1999). *A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev*. Univ. of California Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Галина Светлояровна Зеленина

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра иудаики, Институт
стран Азии и Африки, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1
Тел.: +7 (495) 629-42-84
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская
академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
доцент, кафедра теологии иудаизма,
библистики и иудаики, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-64-70
✉ galinazelenina@gmail.com*

Galina S. Zelenina

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of Jewish Studies, Institute of Asian and
African Studies, Lomonosov Moscow State
University
Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya Str.,
11, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 629-42-84
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Veradskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
Associate Professor, Department of Jewish
Theology, Biblical and Jewish Studies,
Russian State University
for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya
Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-64-70
✉ galinazelenina@gmail.com*